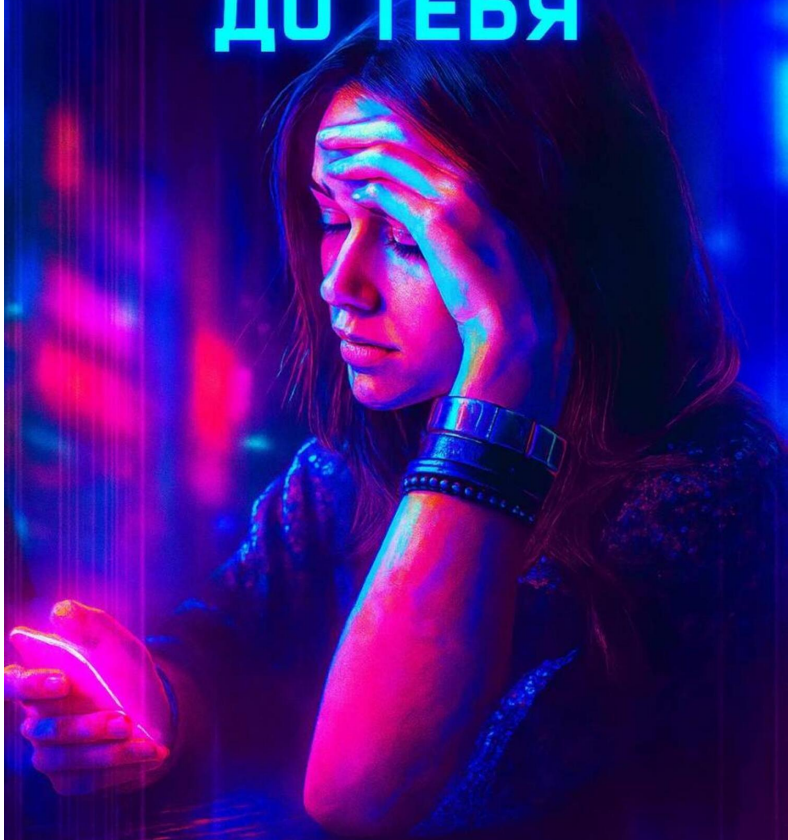

ВСЕ, ЧТО БЫЛО ДО ТЕБЯ

АЛЕКСАНДР РЕЗНИКОВ

Александр Владимирович Резников

Все, что было до тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72679525

SelfPub; 2025

Аннотация

«Все, что было до тебя» – это искренняя история поколения, выросшего на стыке эпох. Через воспоминания мальчика из Севастополя мы проживаем 90-е: дворы, «Тойота» отца, первая любовь и потери. Это роман о том, как случайные люди и смазанные моменты складываются в единственную и неповторимую жизнь, обретая высший смысл в любви и семье.

Александр Резников

Все, что было до тебя

Привет

Эта книга – как старый фотоальбом, который годами пылился на антресолях. В нем нет идеальных кадров. Здесь есть смазанные моменты, смешные гримасы, случайные люди в кадре и даже следы от пролитого чая на некоторых страницах. Но это – самое ценное. Потому что это правда.

Я не писал историю героя. Я просто собрал по кусочкам самого себя – того мальчишку из севастопольского двора, того подростка, что ночами слушал «Отпетых мошенников», того юноши, что влюблялся, ошибался и снова верил в чудо. И того мужчину, который однажды понял, что все, что было до – каждая шишка, каждая слеза, каждая улыбка бабушки – привело его к главному «после» в жизни.

Возможно, в этих историях вы узнаете себя. Свое детство. Свою первую любовь. Свои ошибки и свои победы. Если так – значит, я писал не зря. Ведь все мы, такие разные, в конце концов, родом из одного времени – времени, когда мир пах бабушкиными пирогами и манил нас к неизведанным берегам.

Перелистывайте эти страницы легко. Как пересматривае-

те старые фотографии – с улыбкой, с грустью, с благодарностью. И помните: ваша история, какой бы обычной она вам ни казалась, – единственная и неповторимая. Как и моя.

—

Часть 1

Книга одной жизни: история в смехе и слезах

Глава 1. Я родился

Свое появление на свет я, разумеется, не помню. Оно окутано для меня туманом чужих рассказов, выцветшими фотографиями в альбоме и одним-единственным материальным доказательством – свидетельством о рождении, где величаво значится: «Город-Герой Севастополь». 1992 год. Роддом №1. Так началась моя история, в городе, рожденном морем, в стране, которая только что сделала свой первый, неуверенный вздох.

Но память, как капризный художник, начинает рисовать свои картины гораздо позже. Мое первое воспоминание – это вспышка. Яркая, цветная, пахнущая пирогами и чем-то новым.

Нам было года два, не больше. Мы жили на улице Горпищенко, в спальном районе, который был похож на все спаль-

ные районы бывшей великой страны. Но для меня наш дом был центром вселенной. Обычная «хрущевка» – это лабиринт из тесных комнат, низких потолков, словно прижимающихся к тебе для уюта, и длинного-предлинного коридора, где даже днем царил таинственный полумрак. Воздух здесь был особенный, густой, насыщенный ароматами вчерашних щей, герань на подоконнике и воска, которым натирали паркетные полы до блеска, заметного только взрослым. Стены, тонкие, как пергамент, хранили шепот соседей и звук далекого троллейбуса, а из окна кухни открывался вид на такой же точно дом-близнец, где по вечерам, как в кукольном домике, зажигались огни.

В тот день мои бабушка и дедушка по маминой линии – Валя и Ваня – повели меня в гости к соседям, тете Звоник, только после я узнал что это фамилия, а не имя, и дяде Вове. Их квартира показалась мне иной планетой. Та же планировка, те же обои в мелкий цветочек, но все было иначе. А главное – у них были кудри. Кудрявые были они сами, добрые, улыбочивые, а еще у них был кудрявый, коричневый, как плиточный шоколад, пудель. Он вилял задом и тыкался в меня мокрым носом, а я, замороженный, трогал его упругие локоны. Это был мой первый тактильный восторг.

Но даже в этом гостеприимном царстве кудрей мое детское сердце тосковало по дому. Мне казалось, что у нас луч-

ше. Гораздо лучше. Потому что мой папа был моряком. И наша «хрущевка» была не серая, а разноцветная. Он привозил из-за моря целые куски иного мира: яркий ковер с диковинными узорами, который лежал посреди зала, словно волшебный остров; тяжелую бронзовую статуэтку слона, которого я по-особенному гладил по хоботу; ракушки, приложив к уху, в которых действительно шумело море. Наши стены были не просто стенами – они были галереей, где висели картины с видами далеких портов. Наш дом пах не только пирогами, но и заморскими специями, солью и свободой.

Дедушка Ваня, крепкий, как дуб, с седыми бровями-кустами, нес меня домой на плечах, а я, убаюканный шагом, виснул у него на шее. Он называл меня «сосулькой». «Ну что, сосулька, растешь?» – говорил он, и его голос грел меня сильнее любой печки. Бабушка Валя шла рядом, держала за руку, и ее ладонь была такой же мягкой и надежной, как пухлое одеяло, под которым я засыпал.

Я знал, что у меня есть и другие бабушка с дедушкой, по папиной линии – Оля и Коля. Но они были фигурами почти мифическими, далекими, как те страны, куда плавал папа. Я узнаю их позже, в детстве, которое только-только начинало свой неспешный ход. А пока мой мир был маленьким, теплым и безоговорочно любящим. И этого было достаточно.

Глава 2. Раннее детство

Мое раннее детство было похоже на гостиную, залитую солнцем, где главными мебельщиками и декораторами были бабушки и дедушки. Родители часто работали, и их образы растворялись в суете будней, а вот образы старших были высечены в памяти с мраморной четкостью. Мое царство пополнялось подданными – я познакомился со своей свитой, моими братьями и сестрами.

Сначала появилась Аня, моя родная сестра. Наша разница в семь лет в детстве казалась пропастью между цивилизациями. Пока я возводил замки из кубиков и вел в бой пластмассовые армии, она уже жила в сложном мире подростковых бурь, первых духов с названиями, как заклинания, и томных взглядов в окно. Ее заставляли сидеть со мной, и это было для нее тюремным заключением, а для меня – актом тирании. Почему эта большая, пахнущая жвачкой девица не хочет участвовать в грандиозной битве динозавров и ковбоев? Наши конфликты были громкими и трагикомичными. Она кричала: «Мама, он опять залез в мои вещи!», а я, ревя в три ручья, обвинял: «А она не дает мне свой фломастер, он же серебряный!». Мы дрались за пульт от телевизора, за последнюю конфету, за право на одиночество в одной комнате

на двоих. Это была война на истощение, где любовь проби-
валась, как росток сквозь асфальт, лишь годы спустя.

Потом явились другие: двоюродная сестра Люда по ма-
миной линии – тихая и рассудительная девочка, с которой
можно было строить шалаши из стульев и одеял. И ее тезка,
Люда, по папиной, – озорная и быстрая, как ящерица. А еще
брат Рома, тоже со стороны отца. Он был младше на 8 ме-
сяцев, и смотрел на наши малышей разборки с недопони-
манием, так как и него не было принято в семье ругаться с
сестрой.

А потом был их мир – мир бабушки Оли и дедушки Коли.
Они жили в городе, но в моих воспоминаниях это была са-
мая настоящая деревня. Их дом, окруженный участком зем-
ли, был для меня Terra Incognita. Там пахло землей, яблока-
ми и дымом от печки. Дедушка Коля, молчаливый гигант в
рабочей спецовке, был волшебником в двух ипостасях: днем
он творил сталь на заводе, а вечерами и на выходных творил
мед где-то на задворках своего сада, где стояли ульи с его
пасеки. Он казался мне строгим, его бородатая улыбка бы-
ла редким и потому ценным подарком. Но в его доме всегда
было ВКУСНО. Бабушка Оля стряпала такие пироги с капу-
стой и с вишней, что ради них можно было продать душу.

Но и у этой идиллии была своя тень. Я был тем еще бан-

дитом, непоседливым и любопытным. И главным орудием возмездия в руках бабушки Оли была лозина. Тонкая, гибкая, жутко больная. «Я тебя сейчас лозиной, я тебя!» – этот крик был саундтреком к моим визитам к ним. Я носился по огороду, пугая кур, залезал туда, куда не следовало, и лозина находила меня, больно щелкая по ногам. Это была не жестокость, нет. Это был древний, аграрный закон, который я, городской ребенок, усваивал через кожу.

И была еще одна бабушка. Самая главная. Бабушка Валя. Та самая, с которой начиналось мое первое воспоминание. Рядом с ней всегда витал призрак, тень человека, которого я почти не знал, – дедушки Вани. Его не стало рано. Я не помню, как он умирал в больнице, не помню слез и слов. Но я помню один день. День, когда в наш дом пришла Чужая Тень.

Помню, как в квартире было непривычно тихо и многолюдно одновременно. Взрослые ходили с красными, опухшими глазами, шептались на кухне. Кто-то гладил меня по голове, и в этом прикосновении была непереносимая жалость. Воздух был густой и тяжелый, как свинец. Он был наполнен чем-то недетским, непонятным и оттого пугающим. Это был мой первый грустный день. Первый черный день. Я не понимал, что случилось, но кожей чувствовал, что мир переломился, и какая-то его часть, теплая и надежная, ушла

навсегда.

И после этого дня со мной осталась только она. Бабушка Валя. Ее доброта после той потери стала не просто качеством, а щитом, спасением, целой вселенной. Ее объятия были убежищем от всех детских страхов и обид. Ее любовь была безусловной, как закон тяготения. И пока я рос, воевал с сестрами, бегал от лозины и познавал мир, она была моим тихим, неизменным полюсом. Самым большим и добрым воспоминанием всего моего детства.

—

Глава 3. Все еще раннее детство

Детство – это когда кораблики в ванной кажутся настоящими, а настоящие корабли на рейде – игрушечными. Но однажды в наш домашний космос, пахнущий морем и бабушкиными пирогами, ворвался ветер больших перемен. Он принес с собой запах краски, дешевого парфюма, опилок и бензина от «Тойоты».

Это случилось, когда мой папа, Вова, тот самый полумифический моряк, привезший в нашу хрущевку весь мир, вдруг причалил к берегу навсегда. Он завязал с морем. Для меня, привыкшего встречать его после рейсов, загорелого и пахнущего дальними странами, это было все равно что солнце решило не всходить. Но взрослые говорили о чем-то

сложном и тревожном: «Рухнул Союз», «тяжелые времена», «проблемы с документами для странников». Я не понимал этих слов, но видел, как мои родители, Вова и Ира, шептались по вечерам, а в их глазах плавала непролитая тревога.

И тогда они решились на подвиг, который мне тогда казался веселым приключением. Они ушли в бизнес. Фраза «заниматься бизнесом» звучала для моего уха так же загадочно и круто, как «полететь на Марс». Мама оставила свою прежнюю работу и вместе с папой стала продавать стройматериалы и сантехнику. Их партнером был знакомый, которого я в памяти зову просто – Журка.

А Журка был, без сомнения, самым крутым человеком после моего папы. И, вероятнее всего, бандитом. В те лихие девяностые он был обладателем главного символа успеха и, возможно, криминальной романтики – автомобиля «Ауди». Это был не просто автомобиль. Это был низкий, приземистый инопланетный корабль цвета воронова крыла, с бархатными сиденьями, внутри которых тонул мой детский зад, и таинственной щелью для кассеты, куда он вставлял музыку, под которую хотелось носить золотую цепь и качать мышцы. Журка был щедр, громок, пах дорогим (как мне тогда казалось) одеколоном и всегда сувал мне в руку либо шоколадку, либо пачку жвачки «Turbo». Он говорил папе: «Вовк, расслабься, все путем!», хлопал его по плечу, и я был абсолютно уверен, что он из тех, кто «решает вопросы». Юмор ситуации был в том, что мои родители, интеллигентные и

спокойные, теперь с серьезным видом обсуждали с этим «решателем» достоинства керамической плитки и цену на смесители.

Их магазин назывался гордо и солнечно – «Крым». Для меня это было не коммерческое предприятие, а наше семейное королевство, волшебная пещера Али-Бабы. Полы были усыпаны опилками, пахнувшими свежестью, а вместо золота сверкали хромированные краны, лежали рулоны дивных обоев с гигантскими цветами и горами разноцветного линолеума. Я мог часами сидеть на рулоне ковровина и наблюдать, как папа с помощью огромной деревянной линейки, похожей на меч, отмеряет клиентам их счастье. А мама, моя всегда такая строгая и деловая мама, здесь преображалась. Она с калькулятором в руках и улыбкой на лице могла уговорить кого угодно на что угодно. Она была душой этого места.

Там были веселые коллеги. Дядя Леня, продавец, человек с лицом доброго тролля, всегда находивший для меня минутку. Он часто брал меня за руку и вел на площадь, недалеко от магазина. Там, на смотровой площадке, он легко взваливал меня себе на плечи, откуда открывался вид на весь Севастопольский рейд. Я, повелитель высоты, сидел на его крепких плечах, а он, придерживая меня за ноги, показывал пальцем: «Вон, сосулька, смотри – ракетный крейсер «Москва». А вон – буксир. Тяжелая у него работа». И я, чувствуя себя великаном, вершил судьбы кораблей, держась за его щетинистую голову.

Но самым главным ритуалом были наши поездки в магазин. Мы ехали на нашей семейной реликвии, легенде – праворукой «Тойоте Королла» 1985 года. Папа пригнал ее из одного из последних рейсов, и это была не машина, а белая молния, космический корабль из будущего. Она была ослепительно белой, с салоном, пахнущим настоящей кожей (как уверял папа), и тахометрами, стрелки которых я мысленно закручивал до предела. Сидя между родителями, я вытягивал нос к приоткрытому окну, и ветер свистел в ушах, а папа одной рукой крутил руль, другой включал кассету. В те минуты наша «Тойота» была не просто машиной. Она была ковром-самолетом, уносящим нас в наше общее дело, символом того, что мы – команда. Я зарекался, клялся себе, что когда вырасту, буду управлять только ею.

А в магазине, на столе у мамы, рядом с кассовым аппаратом и толстыми прайсами, всегда стояла вазочка с конфетами для клиентов и, конечно, для меня. Все наши коллеги – дядя Леня, грузчики, продавцы – при виде меня озарялись улыбками. «Ира, Вова, смотрите, ваш бандит вырос! На, возьми, конфетку, только родителям не мешай». И я, набрав полные карманы гостинцев, чувствовал себя не просто ребенком, а маленьким хозяином этого шумного, пахнущего деревом и краской царства. Принцем «Крыма».

Так и жилось нам в этом контрасте: между бандитской «Ауди» Журки и нашей честной праворукой, между детской верой в волшебство и взрослым знанием о том, что времена

действительно были тяжелыми. Но пока у меня были надежные плечи дяди Лени, белая «Тойота», полные карманы конфет и мои родители, вместе стоящие за прилавком нашего общего «Крыма», я был уверен, что мы со всем справимся.

Глава 4. Садик

Если бы меня спросили, любил ли я детский сад, я бы, наверное, лишь скептически хмыкнул. Сказать, что я его обожаю, – значит слукавить. Это была государственная машина по выращиванию детей, работавшая с семи до семнадцати с железной пунктуальностью. Но у каждой машины есть свои шестеренки, и некоторые из них грели.

Самым жутким местом во всей вселенной для меня была вечерняя группа. После пяти вечера садик выдыхал, затихал, и в этой тишине начинало звучать самое душераздирающее – тихий, но упорный плач детей, которых не забрали. Мы, «вечерники», были кучкой несчастных существ, прижавшихся к окнам в ожидании чуда в лице родного силуэта. Мне казалось, что я оставался там всегда, хотя, скорее всего, это просто одно из тех плохих воспоминаний, что въедаются в душу глубже хороших. Друзей на всю жизнь я там не нашел. Я был, наверное, злым ребенком, часто дрался, отстаивая свое право на внимание кулаками. Мы все были детьми, травмированными чем-то: одиночеством, скукой, непониманием.

Но моя книга не об этом. Про плохое можно писать много и долго, а вокруг и так слишком много людей со своими

проблемами. Я же пытаюсь собрать хорошее. А оно было.

Иногда это была еда – та самая, невероятная садичная манная каша без единой мерзкой комочницы, с румяной пенкой и сахарным сиропом. Иногда – дневные игры в песочнице, где мы строили замки куда величественнее, чем любая хрущевка. А летом... Летом нас водили в бассейн, который находился прямо на территории садика. Маленький, выложенный синей плиткой, он казался океаном. Запах хлора смешивался с запахом нагретого на солнце асфальта, и это был запах счастья.

И были они – теплые и добрые воспитатели. Татьяна Владиславовна. Я до сих пор помню ее имя. Она не кричала, а разговаривала, и в ее голосе была та самая материнская нота, которой так не хватало в общей садичной какофонии.

Но самым приятным, самым триумфальным событием был побег. Побег до дневного сна. В садике это считалось верхом крутости – когда тебя забирали раньше всех. Моим главным спасателем была бабушка Валя. Много лет она работала медсестрой в 1-й городской больнице, сменами – сутки через двое. И в свои законные выходные она всегда, всегда забирала меня. Я видел ее фигуру в дверях группы – и мое сердце взлетало. Я был свободен! Мы шли домой, и ее квартира пахла лекарственными травами, валерианкой и безусловной любовью.

Часто меня забирала сестра Аня. Я знаю это, но не помню в красках – для нее, подростка, чья жизнь должна была со-

стоять из тусовок у Дискотек и томных взглядов на мальчиков, я был обузой, живым воплощением родительского деспотизма. Она вела меня домой, отбывая повинность, а я, чувствуя ее нежелание, злился и огрызался. Мы были двумя кошками в одном мешке, которых заставили дружить.

А виной всему был бизнес. Мои родители, Вова и Ира, снова сделали крутой вираж. Они оставили магазин «Крым» и перешли в свой собственный бизнес – теперь на рынке «Спутник». У них было две точки: мясная и продуктовая. Бизнес забирал у них все время, без остатка. Теперь я это понимаю. А тогда я просто скучал.

Но были и другие дни. Дни, когда я вырослел как мужчина. Так мне казалось, и так я теперь понимаю.

Папа лично ездил на забой скота. Он вставал затемно, и мы мчали на нашей белой «Тойоте-молнии» в очередную деревню. Цель – выбрать лучшую корову. Для меня это было сафари. Поля, пролетающие за окном, запах полыни и пыли, и серьезное, сосредоточенное лицо отца, который щупал бока невезучим буренкам, заглядывал им в зубы, как ценитель старинных картин. Это был наш мужской ритуал.

У папы был забойщик, Петя. Петя был персонажем, рожденным самой эпохой лихих девяностых – безответственным, вечно пропадающим и, что греха таить, часто появлявшимся на работе в состоянии, далеком от трезвого. «Ох, бедные коровы», – вздыхал папа, и однажды, когда Петя в очередной раз не вышел на связь, папа с решительным видом

взял его роль на себя. Я видел, как он переступает через себя, как ему тяжело, но он делал это – для семьи, для нашего будущего. Я стоял в стороне, шестилетний мальчик, и наблюдал за этим недетским делом, чувствуя странную смесь ужаса и гордости. Такие были времена – полные суровых уроков и взросления не по годам.

Пока папа занимался нашими «кровожадными» делами, мама царствовала на рынке. И это место, как ни парадоксально, дарило мне невероятное тепло.

Рынок «Спутник» располагался в здании бывшего кинотеатра. Я любил представлять, как здесь когда-то, под высоким потолком, грохотал смех, мелькали черно-белые кадры приключений, и влюбленные пары держались за руки в полумраке. Теперь же под этим куполом разворачивалась другая драма – драма жизни, пахнувшая не попкорном, а свежим мясом, душистыми травами и морскими деликатесами. Призраки киногероев, казалось, еще витали в воздухе, смешиваясь с криками зазывал и звоном монет.

Здесь я чувствовал себя важным и любимым. Все коллеги родителей души во мне не чаяли. Зоя Федоровна, продавец мяса по соседству с мамой, всегда, при виде меня, восклицала: «Ой, полковник пришел!», и вручала мне кусочек вкуснейшей домашней колбасы. Дядя Женя и тетя Аня, муж и жена, торговавшие напротив, относились ко мне как к родному. Дядя Женя, бородатый здоровяк, мог посадить меня на прилавок и рассказывать байки, а тетя Аня подкармлива-

ла пряниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.